

ИЗРАИЛЬ И АЛЬЯНСЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЦЕЛИ, ФОРМАТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ¹

ISRAEL AND ALLIANCES IN THE MIDDLE EAST: GOALS, FORMATS AND DIRECTIONS

© 2023 **Сергей Георгиевич Мелконян**

кандидат исторических наук, преподаватель Российско-Армянского Университета, научный сотрудник Института прикладных политических исследований (АПРИ) Ереван, Армения

sergei.g.melkonian@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8966-1088

Sergei G. Melkonian

PhD (History), Lecturer at the Russian-Armenian University, Research Fellow at the Applied Policy Research Institute (APRI) Yerevan, Armenia

sergei.g.melkonian@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8966-1088

В статье исследуется политика Израиля по выстраиванию альянсов на Ближнем Востоке. В центре внимания находятся основные подходы, которыми руководствовался Израиль при налаживании союзнических отношений. Вместе с тем представлены основные цели, которые претерпевали изменения по мере изменения региональной конъюнктуры и приоритетов Израиля в области обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется форматам взаимодействия, которые также прошли процесс эволюции на протяжении 75 лет существования государства. Важное место в работе занимает роль стратегического союзника в лице США в контексте выстраивания

¹ Исследование проведено в рамках научной темы с шифром 22YR-5F043 при финансовой поддержке Комитета науки РА.

The research was conducted within the framework of the scientific theme with the code 22YR-5F043 with the financial support of the RA Committee of Science.

отношений с арабским миром. Выявлены основные индикаторы изменений в союзнических отношениях. В результате исследования представлены основные изменения в политике Израиля по выстраиванию альянсов в регионе. В заключении автор представляет основные слабые места в новой израильской стратегии.

Ключевые слова: Израиль, Ближний Восток, альянсы, Турция, Иран, ОАЭ

Для цитирования: Мелконян С. Г. Израиль и альянсы на Ближнем Востоке: цели, форматы и направления. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 80–86. DOI: 10.18254/S268684310029202-0

The author examines Israeli policy of building alliances in the Middle East. The paper focuses on the main approaches that guided Israel in establishing alliance relations. At the same time, the article presents the main objectives, which have changed with the changing regional configuration and Israel's security priorities. Particular attention is paid to the formats of interaction, which have also passed a process of evolution over the 75 years of the state's existence. An important place in the work is given to the role of a strategic ally, the United States, in the context of establishing relations with the Arab world. The main indicators of changes in allied relations have been identified. The study presents the main changes in Israel's policy of building alliances in the region. In conclusion, the author presents the main weaknesses in the new Israeli strategy.

Keywords: Israel, Middle East, alliances, Turkey, Iran, UAE

For citation: Melkonian Sergei G. Israel and Alliances in the Middle East: Goals, Formats and Directions. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 80–86. DOI: 10.18254/S268684310029202-0

Появившись на политической карте Ближнего Востока, Израиль столкнулся с экзистенциальной угрозой, исходящей от арабских государств региона. В связи с этим возникла острая потребность в обеспечении безопасности и преодолении изоляции. Именно эти две задачи были ключевыми в региональной политике Израиля на протяжении первых десятилетий с момента образования.

В начальный период Израиль реализовывал «периферийную стратегию», направленную на создание союзов как с региональными центрами силы, так и с этническими и религиозными меньшинствами Ближнего Востока. Под «периферией» понимались государства, не находившиеся в эпицентре арабо-израильского противостояния: данный условный блок включал, во-первых, неарабские и немусульманские государства региона — Турцию, Иран, Эфиопию и Судан, важных в силу указанных ниже причин. Ввиду этнического и религиозного компонента эти страны могли не полностью раз-

делять арабо-мусульманский (в данном случае суннитский) антиизраильский нарратив и в то же время граничили с арабскими государствами, находившимися в авангарде борьбы против Израиля. При этом арабские государства Марокко и Оман, являвшиеся периферийными с точки зрения географии конфликта, также оказались в центре внимания израильской региональной стратегии. Во-вторых, в орбиту периферийной стратегии, или «кругов сдерживания» арабо-мусульманского окружения входили этнические меньшинства региона: курды, арабы-христиане, друзы и др.

Израильский исследователь Й. Альфер выделил пять критериев, которыми руководствовался Израиль при выстраивании альянсов в регионе [Alpher, 2015, p. 28]. Первый — контроль над территорией: иракские и сирийские курды, сирийские и ливанские друзы, ливанские марониты, южные суданцы, все они осуществляли полный или частичный военный контроль над территорией своего проживания. Второй —

возможность доступа к потенциальным союзникам: до маронитов можно было добраться по морю, до курдов — через Иран и Турцию (до сирийских друзей добраться было невозможно, не вступив в территориальную войну с Сирией, поэтому ряд планов по установлению связи с ними так и не был реализован). Третий — готовность к борьбе с общим врагом: здесь также выделяются курды и марониты. Четвертый — удовлетворение стратегических потребностей Израиля: курды и южные суданцы могли предоставить разведанные о вражеских государствах (об Ираке и Судане, соответственно) и позволить заставить врасплох арабские военные подразделения, в противном случае способные воевать с Израилем. Пятый — стоимость: реализация доктрины периферии не требовала больших затрат, потому что израильские поставки оружия осуществлялись в основном за счет арабского оружия, захваченного в ходе израильских войн.

По итогу более 20 лет реализации можно зафиксировать следующие достижения израильской периферийной стратегии в рамках создания альянсов на Ближнем Востоке. Во-первых, Израиль добился частичного признания и принятия своего существования на политической карте Ближнего Востока. Естественно, некоторые форматы сотрудничества продолжали носить скрытый характер, однако само наличие каналов коммуникации на уровне официальных лиц, реализация программы сотрудничества подтверждают принятие Израиля и его руководства.

Во-вторых, Израиль создал модель сотрудничества с мусульманскими странами Ближнего Востока. Израильскому руководству было необходимо продемонстрировать отсутствие религиозного контекста в арабо-израильском и палестино-израильском конфликте. Вместе с тем представлялось важным на практике показать открытость к сотрудничеству, что могло стать основой для дальнейшего диалога с арабскими государствами региона.

В-третьих, подобные тесные контакты позволили Израилю обойти изоляцию со стороны

враждебного окружения и преодолеть блокаду. Наиболее наглядным проявлением может быть достигнутое и реализованное соглашение с Ираном в середине 1950-х гг. по импорту нефти в Израиль. Благодаря данным поставкам Израиль удовлетворял подавляющее большинство своей потребности в нефти. Более того, энергетическое сотрудничество стало драйвером расширения экономического и военного сотрудничества между странами, которое также затрагивало стратегически важное направление. Примером является запуск в 1977 г. совместной ирано-израильской военной программы в рамках проекта «Цветок», направленной на разработку современных ракетных систем, ставший одним из шести контрактов по формуле «нефть в обмен на вооружение». Общая стоимость контрактов оценивалась в \$1,2 млрд Иран заплатил около \$300 млн наличными и еще \$250 млн нефтью и таким образом стал финансировать несколько израильских научно-исследовательских проектов [Kaye, Nader, Roshan, 2011, p. 13].

В-четвертых, Израилю удалось использовать установленные контакты в целях обеспечения национальной безопасности. Помимо обмена информации в трехстороннем формате Израиль — Турция — Иран в рамках разведывательного альянса «Корона» / «Трезубец», а также проведения контрразведывательных операций, имели место совместные мероприятия, проводившиеся на земле. Так, Иран и Израиль рассматривали Ирак как общую угрозу, что послужило еще одним основанием для сотрудничества. К 1960-м гг. Израиль поддерживал иракских курдов, боровшихся с центральным режимом; Иран также рассматривал иракских курдов как «ахиллесову пяту» иракского режима. Таким образом, Моссад и САВАК — израильская и иранская разведывательные организации — объединили усилия для оказания помощи курдам в борьбе с центральным правительством Ирака [Melman, Javedanfar, 2007, p. 79].

Учитывая, что сотрудничество между Израилем, с одной стороны, и Турцией и Ираном, с другой, не было формализовано, говорить о

сформированном союзе не приходится. Однако, учитывая, что сотрудничество между странами было направлено в том числе на сдерживание ряда арабских государств, некоторые черты альянса данные отношения в себе содержали. Данные отношения не носили характера союза по многим причинам. Ключевым, в случае Ирана, был отказ от официального признания Израиля. Индикаторами отсутствия подлинно союзнических отношений могут быть подходы данных государств на многосторонних площадках, где тесные отношения в области экономики и безопасности не были конвертированы в политическую поддержку. Ярким примером является поддержка Турцией и Ираном Резолюции 3379 Генеральной Ассамблеи ООН «Ликвидация всех форм расовой дискриминации», принятой на заседании Генассамблеи ООН 10 ноября 1975 г. и постановившей, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации».

При анализе внешней политики Израиля представляется важным учитывать позицию и роль стратегического союзника в лице США. Вашингтон поддерживал курс своего союзника в отношении Турции и Ирана, равно как в и отношении таких стран, как Эфиопия. Имели место также израильско-американские обмены мнениями по вопросам сближения с ливанскими маронитами и иракскими курдами. Но в целом участие США было довольно ограниченным по сравнению с двумя крупнейшими партнерствами, которые установил Израиль. Поскольку Турция и Иран играли важную роль на Ближнем Востоке в условиях холодной войны, Израиль выстроил стратегию так, чтобы привлечь внимание США. В отношении других направлений, таких, как сотрудничество с ливанскими маронитами или иракскими курдами, политическая и военная элита Вашингтона была менее обеспокоена, хотя и наблюдала за происходящим [Samaan, 2017, p. 94].

Распад формального альянса произошел в связи со сменой внешнеполитических приоритетов Тегерана и Анкары, что было обусловлено внутренними изменениями: революция в Иране

1979 г. и приход к власти в Турции представителей политического ислама, партии «Справедливости и развития» в 2002 г. Исламская революция в Иране стала поворотной точкой в израильско-иранских отношениях, поскольку произошел диаметральный разворот от сотрудничества к конфронтации. Отношения между Израилем и Турцией продолжали сохраняться и развиваться, однако позже и они претерпели изменения. Во многом это было обусловлено пересмотром Турцией своей роли в регионе, в результате чего палестинский вопрос занял одно из важных мест в ближневосточной повестке Анкары. Позиционируя себя как одного из претендентов на лидерство не только в регионе, но и в исламском мире, Турция не могла сохранять прежний союзнический формат отношений с Израилем и обходить стороной вопрос оказания помощи Палестине. При этом диалог по вопросам безопасности между двумя странами продолжался, развивалось военно-техническое сотрудничество. Однако публично Анкара продолжала занимать пропалестинскую позицию. Первая Интифада, операция «Литой свинец» и инцидент с «Мави Мармара» привели к ослаблению стратегического партнерства между Израилем и Турцией.

Отчасти выход из сети альянсов с Ираном и Турцией Израиль смог компенсировать за счет подписания мирных соглашений с Египтом и Иорданией. Данные события, а также распад СССР и последующее ослабление позиций его союзников в регионе во многом сняли с повестки экзистенциальную угрозу со стороны арабских государств региона. Основной фокус Израиля с точки зрения источника угрозы сместился в сторону Ирана и его союзников.

Современная периферийная стратегия Израиля во многом выходит за рамки региона Ближнего Востока. Она отличается от предшествующей по числу и мотивации ее акторов, по целям, которые перед ней ставятся, и по способам их достижения и направлена на «третий и четвертый круг» государств — Центральную Азию, Кавказ, умеренные арабские государства

Ближнего Востока, Северной Африки и немусульманские страны Средиземноморья [Костенко, 2017, с. 103].

Одной из главных целей является создание кругов сдерживания вокруг Ирана, поскольку ключевой угрозой безопасности Израиля, с точки зрения израильских исследователей [Наyman, Yavne, Kurz, 2023], являются ядерная и ракетная программа Тегерана, расширение сети его прокси на территории Ливана (в лице «Хезболлы») и Сирии, а также растущее влияние на территории Палестины, в частности, в секторе Газа.

По перечисленным причинам Израиль проявляет большую активность в направлении Центральной Азии, представляющей особый интерес ввиду того, что этот регион представлен мусульманскими государствами, тесное сотрудничество с которыми позволяет сдерживать попытки по маргинализации Израиля в исламском мире. Более того, учитывая глобальный тренд на смещение экономического центра силы в сторону Азии, данный вектор становится более оправданным. Одним из главных достижений в этом направлении стало открытие в 2023 г. посольства Израиля в Туркменистане, граничащем с Ираном по Каспийскому морю. Ключевым звеном в данной цепи стало достижение стратегического характера отношений с Азербайджаном, имеющим протяженную границу с Ираном. В приграничных районах израильские компании реализуют инвестиционные программы, осуществляют подготовку специалистов в области кибербезопасности, развивают сотрудничество в сфере космоса и т. д. Основой для развития отношений послужил ряд факторов. Во-первых, естественным мостом на пути сближения между Израилем и Азербайджаном стала Турция, являющаяся союзником Баку. Во-вторых, Азербайджан стал одним из главных поставщиков нефти в Израиль. И в-третьих, азербайджанский рынок был привлекателен с точки зрения сбыта вооружения и военной техники ввиду продолжающегося армяно-азербайджанского конфликта. Помимо этого

Азербайджан имеет важное значение в новой израильской стратегии альянсов ввиду того, что большинство его населения исповедует ислам шиитского толка, хотя политическая система страны и остается светской. Таким образом, Израиль демонстрирует успешную модель сотрудничества с государством не только исламского, но и шиитского мира. В этом смысле Израиль наглядно показывает, что в ирано-израильской конфронтации отсутствует религиозный компонент с его стороны.

Если регион Южного Кавказа и отчасти Центральная Азия могут рассматриваться в качестве периферии Ближнего Востока и укладываются в изучаемую в настоящей статье проблему по выстраиванию альянсов, то Средиземноморское и Африканское направление новой периферийной стратегии Израиля выходят за рамки обозначенной географии исследования. В связи с этим отношения с Грецией и Кипром, а также с государствами Восточной Африки представляют собой отдельную тему исследования.

Ключевое место в израильской региональной стратегии по выстраиванию союзов занимают монархии Персидского залива, или, как их называют израильские эксперты, «прагматичный суннитский лагерь» [Shalom, Kurz, 2022, p. 16]. Державшиеся в секрете контакты между Израилем и рядом монархий Залива существовали на протяжении многих лет. В этом смысле подписание Соглашений Авраама в 2020 г. во многом стало формализацией давно установленных контактов. Естественно, официальное оформление нормализации отношений между Израилем, с одной стороны, и ОАЭ (а позже с Марокко и Суданом), с другой стороны, открыло новое окно возможностей для сотрудничества в области экономики, технологий, инвестиций и т. д. Важную роль в процессе нормализации отношений между Израилем и ОАЭ сыграли США, которые не только предоставляли площадку, но и фактически стали одной из сторон соглашения.

Однако до нормализации отношений на повестке дня стоял вопрос создания так называемого «Ближневосточного НАТО», куда могли

войти арабские государства региона. Поддержка инициативы звучала в том числе от некоторых политических лидеров региона, в частности от короля Иордании Абдаллы II. Предложение во многом стало продолжением идеи создания Ближневосточного стратегического альянса (MESA), озвученной в 2017 г., — партнерства в сфере безопасности между странами Совета сотрудничества стран Персидского залива, включающего Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовскую Аравию и ОАЭ с добавлением Иордании и Египта. Инициатива впервые прозвучала в ходе визита президента США Д. Трампа в Саудовскую Аравию в 2017 г. Изначально MESA задумывался для создания потенциала стран Персидского залива по противодействию Ирану без вмешательства США, России или Китая. Однако в последнее время представители Госдепартамента пытаются изменить фокус несформированного блока чтобы он отражал более широкие стратегические цели. Заместитель помощника госсекретаря США по делам Персидского залива Тим Лендеркинг заявил, что альянс будет заниматься «Ираном, киберпроблемами, атаками на инфраструктуру и координацией управления конфликтами от Сирии до Йемена», а также борьбой с терроризмом [Farouk, 2019]. Учитывая наличие тайных контактов между Израилем и рядом арабских государств Залива, а также стратегический характер союзнических отношений с США, Израиль мог стать частью данной коалиции.

Предвосхищая возможную перспективу создания альянса на Ближнем Востоке, в 2022 г. Израиль объявил о том, что вместе с несколькими другими странами Ближнего Востока он формирует новую объединенную сеть ПВО под руководством США, известную как Ближневосточный альянс ПВО (MEAD). В том же году США собрали руководителей оборонных ведомств Саудовской Аравии, Катара, Египта, Иордании, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна и Израиля для обсуждения иранской воздушной угрозы. Вероятно, речь идет о подерживаемой США инициативе регионального

стратегического сотрудничества, направленной на противодействие иранским ракетам и беспилотникам, предполагающей обмен радарной информацией и интеграцию многоуровневых систем противоракетной обороны [Schenker, 2022]. Важно напомнить, что первые совместные морские учения с участием Израиля, США, ОАЭ и Бахрейна прошли уже в 2021 г.

Дополнительным форматом многостороннего регионального сотрудничества стал саммит в Негеве в 2022 г., объединивший глав внешнеполитических ведомств Израиля, США, ОАЭ, Египта, Марокко и Бахрейна. Планируется перевести данный формат кооперации на постоянную основу [Негевский форум... 2022]. Саммит нацелен на укрепление сотрудничества между странами в области экономики и дипломатии, однако будущее данного формата остается неопределенным ввиду отказа Марокко от проведения встречи в 2023 г. и событий октября 2023 г.

Расширение сотрудничества между Израилем и арабскими государствами региона стало возможным в силу, как минимум, двух причин. Во-первых, благодаря постепенной маргинализации палестинского вопроса в общем арабском дискурсе. Во-вторых, из-за появления новой угрозы, представленной Ираном и его союзниками. Таким образом, основная проблема, препятствующая сближению между арабским миром и Израилем, уходила на второй план, а вместо нее центральное место заняли общие опасения относительно растущего влияния Ирана.

Изложенная выше динамика позволяет заключить, что главным драйвером арабо-израильской нормализации стали США. Если в рамках первой стратегии Израиля по выстраиванию альянсов Вашингтон принимал опосредованное участие, то на современном этапе он стоит в авангарде сближения между своими региональными союзниками. Как и ранее, в основе выстраивания региональных альянсов вопрос обеспечения безопасности является приоритетным. В этом смысле сотрудничество между Израилем и араб-

ским миром как в экономической, так и в других сферах хотя и становится второстепенными, но все же обладает цементирующим свойство. Важной отличительной чертой, по сравнению с предыдущей стратегией, является подход Израиля к выстраиванию новых многосторонних форматов по вопросам безопасности, экономики и дипломатии.

Как было отмечено, предыдущий альянс распался в связи с внутренними трансформациями. Новые потенциальные альянсы также могут оказаться под угрозой существования в силу ряда причин. Во-первых, не исключена очередная трансформация в арабских государствах. Одним из примеров может служить революция 2011 г. в Египте, в результате которой вырос уровень антагонизма с Израилем. Однако после прихода к власти ас-Сиси ситуация изменилась. Во-вторых, иранская дипломатическая активность на Ближнем Востоке по нормализации отношений с арабским миром, реализуемая при поддержке Китая, может стать дополнительным препятствием в сближении между, например, Саудовской Аравией и Израилем, особенно по вопросу противостояния Ирану. Достижение компромиссов между Эр-Риядом и Тегераном по региональной повестке может снизить приоритет кооперации с Израилем, направленной против Ирана. В-третьих, эскалация на палестинском направлении может вернуть данную проблему на региональную повестку дня. Главным следствием этого станет приостановка сближения Израиля и арабского мира, особенно если Саудовская Аравия продолжит реализовывать свои проекты, направленные на укрепление позиций на Ближнем Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Костенко Ю. И. «Новая периферийная стратегия» Израиля. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 1(52). С. 101–118 [Kostenko Y. I.

“New Periphery Strategy” of Israel. *MGIMO Review of International Relations*. 2017. No. 1(52). Pp. 101–118 (in Russian)].

Негевский форум регионального сотрудничества станет постоянным. *Министерство иностранных дел Израиля*. 18.09.2022 [The Negev Regional Cooperation Forum Will Become Permanent. *Ministry of Foreign Affairs*. 18.09.2022 (in Russian)]. URL: <https://www.gov.il/ru/departments/news/negev-summit-becomes-permanent> (accessed 01.12.2023).

Alpher Y. *Periphery: Israel's Search for Middle East Allies*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015. 227 p.

Farouk Y. The Middle East Strategic Alliance Has a Long Way to Go. *Carnegie Middle East Center*. 08.02.2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/02/08/middle-east-strategic-alliance-has-long-way-to-go-pub-78317> (accessed 20.10.2020).

Hayman T., Yavne R., Kurz A. (Eds). *Strategic Analysis for Israel 2023*. Tel Aviv: The Institute for National Security Studies, 2023. 96 p.

Kaye D. D., Nader A., Roshan P. A Brief History of Israeli-Iranian Cooperation and Confrontation. *Israel and Iran: A Dangerous Rivalry*. CA: RAND Corporation, 2011. Pp. 9–18.

Melman Y., Javedanfar M. *The Nuclear Sphinx of Tehran*. New York: Carroll and Graf Publishers, 2007. 304 p.

Samaan J.-L. *Israel's Foreign Policy beyond the Arab World: Engaging the Periphery*. Routledge Studies in Middle Eastern Politics Series. London: Routledge, 2017. 172 p.

Schenker D. Regional Security Cooperation Partnerships in the Middle East. *The Washington Institute for Near East Policy*. 21.09.2022. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/regional-security-cooperation-partnerships-middle-east> (accessed 01.12.2023).

Shalom D., Kurz A. (Eds). *Strategic Assessment for Israel 2022*. Tel Aviv: The Institute for National Security Studies, 2022. 84 p.

